ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

К. А. Коссовича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1853.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
11 Августа, 1853 года.

Непремѣнный Секретарь *П. Фусъ.*

Изъ 7-го выпуска II-го тома Прибавленій къ Извѣстіямъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

I.

Не далѣе какъ за 50 лѣтъ конечная цѣль грамматики состояла только въ томъ, чтобы служить пособіемъ при изученіи неизвѣстнаго языка, или чтобы научить правильно выражаться на языкѣ отечественномъ; никто и не предвидѣлъ тогда, чтобы была возможность заниматься грамматикою какого л. языка понимаемаго, и при томъ, внѣ подобнаго ея примѣненія. Стройная оконченность классическихъ языковъ, составлявшихъ и нынѣ отъ части еще составляющихъ условіе высшаго воспитанія и образованія, прежде всего заставила многихъ остановиться на законахъ дивнаго ихъ организма и искать имъ болѣе глубокаго объясненія, нежели это требовалось для обиходнаго разумѣнія письменныхъ памятниковъ классической древности. Такимъ образомъ постепенно образовалась высшая или философская грамматика, получившая самостоятельное мѣсто въ кругу другихъ наукъ, созданныхъ пытливостью — разъяснить всѣ возможныя стороны прельщавшаго насъ въ продолженіе многихъ столѣтій Греко-Римскаго міра: всѣ эти науки, какъ то, грамматика, археологія, древности (antiquitates) и т. д. составляли энциклопедію наукъ *филологическихъ.* Подъ *филологіей* понималась въ то время ученая разработка, съ той или съ другой стороны, памятниковъ Греческой и Римской словесности; возможность другой филологіи, н. п. Германской, или Славянской, казалась дѣломъ

несбыточнымъ, и даже, подъ часъ, бывала отвергаема торжественно.

Знаменитый Сильвестръ де Саси, сколько мнѣ извѣстно, одинъ изъ первыхъ сдѣлалъ опытъ философской грамматики, съ цѣлію изложить отдѣльныя лингвистическія явленія какъ классическихъ, такъ и другихъ языковъ, подходящія подъ одинаковые законы, въ одной, общей для всѣхъ языковъ, системѣ; тождество этихъ явленій онъ объяснялъ тождествомъ духа человѣческаго, который выражается въ словѣ. Подобнымъ взглядомъ пропитаны и самыя специальныя лингвистическія руководства сего автора: усвоеніе неизвѣстнаго и новаго въ изучаемомъ языкѣ онъ старался облегчать указаніемъ на законы грамматическихъ явленій, врожденные каждому человѣку, и такимъ образомъ заставлялъ учащагося не столько узнавать, сколько, такъ сказать, возсознавать неизвѣстное и новое.

Грамматика въ это время уже признавалась наукою и независимо отъ ея ближайшаго практическаго приложенія. Ученые, объясняя явленія слова законами духа, одинаковыми у всѣхъ племенъ человѣческихъ, *абстрактно* сравнивали каждый свой отечественный языкъ со всѣми другими, хотя *конкретно* еще и не прикасались къ нимъ въ этомъ отношеніи, и искали отвѣта на всѣ тревожившіе ихъ вопросы въ очень немногихъ языкахъ. Логика нечувствительно болѣе и болѣе сливалась съ грамматикой, и въ слѣдствіе сего синтаксисъ естественно получалъ перевѣсъ надъ этимологіей, которую Бэккеръ, одинъ изъ послѣднихъ представителей грамматистовъ этой категоріи, подчинилъ синтаксису даже и въ элементарномъ ея преподаваніи.

Между тѣмъ медленно, на западномъ краю Европы развивалось специальное изученіе языка, пролившаго самый обильный свѣтъ на все языкознаніе, и принесеннаго туда изъ отдаленнѣйшаго Востока почти въ то самое время, когда только начинали думать, что не одна грамматика Греческая или Латинская можетъ имѣть притязаніе на достоинство само-

стоятельной науки. Санскритскій словарь Вильсона и, въ слѣдъ за нимъ, начавшія появляться въ Европѣ и въ Индіи, одно за другимъ, изданія Санскритскихъ текстовъ сдѣлали доступнымъ изученіе Санскрита всей просвѣщенной Европѣ. Вмѣстѣ съ симъ изученіемъ само собою обозначилось ближайшее родство и корней, и формъ, и самыхъ оборотовъ рѣчи, въ огромной семьѣ языковъ, къ которой принадлежитъ и нашъ отечественный. При сближеніи коренныхъ языковъ Европы съ разными явленіями въ новооткрытомъ языкѣ древней Индіи, неполное или неясное въ одномъ изъ нихъ, находило очевидное дополненіе и разгадку въ другомъ; гадательныя умозрѣнія сами собою должны были замолкнуть въ виду живой филологической истины, связующей звенья человѣческаго слова, по видимому, самыя отдаленныя; при разъясненіи первобытныхъ стихій родственныхъ языковъ оказалось въ нихъ много общаго въ первоначальномъ воззрѣніи на природу и на жизнь; самая Греческая грамматика низошла съ пьедестала своей особности и отъ соприкосновенія съ Санскритомъ, сдѣлалась гораздо доступнѣе даже въ элементарномъ изученіи, лишившись тѣхъ неправильностей, которыя разъяснены и уничтожены его явленіями и въ которыя она была погружена прежде въ своемъ уединеніи.

Явилась новая наука — сравнительное языкоученіе, наука новая по опредѣленности взгляда и требовательности въ отношеніи къ количеству и качеству матеріаловъ. Основатель сравнительнаго языкоученія Вильгельмъ Гумбольтъ оказалъ этой новой наукѣ безсмертную заслугу — пробужденіемъ рвенія къ разработкѣ специальныхъ вопросовъ. Труды Боппа и Потта и ихъ послѣдователей опредѣлили подробнѣе границы сравнительнаго языкознанія Индо-Европейскаго, и указали ученымъ другихъ странъ путь для изслѣдованія тѣхъ языковъ, которые не могли они изучить сами по недоступности матеріаловъ. Такимъ былъ для нихъ и языкъ Славянскій. Уже почти на половинѣ своего труда Боппъ включилъ въ систему сравниваемыхъ языковъ и

этотъ не менѣе важный языкъ, но ограничился въ отношеніи къ нему немногими свѣдѣніями.

По мѣрѣ того какъ въ Германіи подвигался къ окончанію трудъ Боппа, стали появляться у насъ болѣе и болѣе самостоятельныя изслѣдованія этого рода; я разумѣю труды Павскаго, Каткова и Буслаева. Я назвалъ эти труды *самостоятельными*, потому что глубокое знаніе отечественнаго языка помогло имъ вывести изъ результатовъ изслѣдованій Боппа множество драгоцѣнныхъ и неоспоримыхъ лингвистическихъ фактовъ, которыхъ не могъ даже и подозрѣвать ни одинъ изъ Германскихъ ученыхъ, почерпавшихъ Русскія слова для сравненій съ Санскритскими не изъ живой рѣчи, а изъ лексиконовъ и грамматикъ, и притомъ, почти исключительно, изъ сочиненій Добровскаго и Копитара.

Развитіе взглядовъ на характеръ и исторію отечественнаго языка въ послѣднее время не могло не повести за собою развитія выводовъ сравнительнаго языкознанія. Какъ оно значительно, и какъ многонадежно, это видно между прочимъ изъ послѣднихъ трудовъ С. П. *Микуцкаго* и А. Ѳ. *Гильфердинга*. Отъ перваго ждемъ особенно важныхъ результатовъ по сравненію языка Славянскаго съ Литовскимъ. Второй началъ свое поприще разсужденіемъ «о сродствѣ языка Славянскаго съ Санскритскимъ».

Съ живѣйшею радостью объ успѣхѣ отечественной науки привѣтствуемъ это первое сочиненіе нашего молодаго ученаго, уже извѣстное читателямъ Матеріаловъ, издаваемыхъ II Отдѣленіемъ Академіи, и теперь появившееся въ свѣтъ особою книгою. Путь, избранный г-мъ Гильфердингомъ, совершенно отличенъ отъ пути, по которому слѣдовали всѣ его предшественники, да и объемъ труда его гораздо полнѣе и оконченнѣе.

Г. Гильфердингъ поставилъ себѣ, на первый разъ, задачею опредѣлить, во всей подробности, отношенія звуковъ языка Санскритскаго къ Славянскимъ, не входя въ сравненія

корней, формъ словъ и построенія рѣчи. Очевидно, что сторона лингвистическихъ сравненій, избранная г. Гильфердингомъ, самая важная и знаменательная, ибо звуки составляютъ первую основу какъ корней, такъ и формъ. Но чтобы отыскать дѣйствительное сродство въ звукахъ, для этого мало было г. Гильфердингу изучить Боппа и Потта. Нѣтъ, трудъ его—первый изъ подобныхъ трудовъ, появившихся доселѣ въ нашей филологіи — кромѣ того, что не чуждъ спеціальнаго изслѣдованія, представляетъ добросовѣстнѣйшій результатъ тщательнаго изученія основныхъ Европейскихъ источниковъ Санскритскаго корнесловія, независимо отъ изученія сравнительнаго — я разумѣю въ особенности труды Вильсона и Бенфея—источниковъ, къ которымъ до сего времени только слегка покушалась прикасаться наша филологія. Всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ дѣломъ, найдетъ ясныя доказательства сказанному мною на каждой страницѣ книги г. Гильфердинга. Уважая этотъ трудъ нашего молодаго ученаго, считая его достойнымъ изученія по множеству матеріаловъ, въ немъ собранныхъ, и соображеній остроумныхъ и любопытныхъ, я останавливаюсь на немъ, какъ на поводѣ къ сравненію словъ Индо-Европейскихъ языковъ и объясненію образованія словъ языка отечественнаго. На первый разъ ограничиваюсь нѣсколькими.

Стр. 33. Слово трава и Ц. С. травити въ знач. ѣсть (Пол. — варить), кажется, скорѣе можно сблизить съ Санскритскимъ словомъ тр̆н̣а, имѣющимъ то же самое значеніе, и которое при томъ напоминаетъ Русское выраженіе тринь-трава, нежели съ Санскр. корнемъ тра̂ охранять. Санскритское тр̆н̣а происходитъ отъ глагольнаго корня тр̆н̣, значущаго питаться (Ц. С. травити; срав. Греч. βοτάνη и βόσκω), состоящаго въ родствѣ съ корнемъ тр̆нг̣ъ, значущимъ уничтожать (сокрушать), а также и расти; первое изъ послѣднихъ значеній Санскритскаго корня объясняетъ смыслъ Церк.-Славянскаго слова травити, второе — слова трава.

На стр. 45-й авторъ, по указанію г-на Микуцкаго, сравниваетъ Славянское слово чета, въ значеніи толпы, съ Санскр. чгатга́, значущимъ также толпу, но имѣющимъ первое значеніе: тѣнь (Нѣм. Schatten) и тождественнымъ съ другимъ болѣе употребительнымъ словомъ чгави и чгаи́, напоминающими Греческое σκιά, и состоящими скорѣе въ связи съ Славянскимъ словомъ сѣнь, нежели съ четою. Корень послѣдняго слова отыскивается въ Санскритскомъ чити собраніе, толпа, происходящемъ отъ очень богатаго родственными нашимъ, производными словами, корня чи *собирать*, состоящаго въ родствѣ съ другимъ Санскритскимъ корнемъ, относящимся сюда же, читъ, думать, почитать, въ производныхъ словахъ котораго столь часто встрѣчается такъ называемая *гунировка* или переходъ *и* въ э (чэтана λογισμός, *чэтасъ* и т. д.).

Слово бачить, въ нѣкоторыхъ областныхъ Русскихъ нарѣчіяхъ значущее говорить, въ нарѣчіи же Малорусскомъ, равно какъ и въ Польскомъ видѣть, я бы скорѣе сблизилъ съ корнемъ Санскритской формы пасъяти, видитъ, нежели съ бгашъ говорить и бгасъ блистать, тѣмъ болѣе что послѣдній Санскритскій корень въ значеніи видѣть не находится ни въ одномъ изъ Санскритскихъ лексиконовъ; значеніе же сіе вѣроятно вкралось въ книгу г-на Гильфердинга по ошибкѣ (стр. 173).

Стр. 222. Слово Ц. С. и Пол. жадати, въ смыслѣ желать, Русскія ждать и погодить отнесены авторомъ къ Санскр. корню гадгъ съ значеніемъ желать, который иногда значитъ стремиться, искать, но никогда не значитъ желать. Славянскій корень жад-ать, отъ котораго произошелъ Русскій жд-ать и т. д., я бы объяснилъ скорѣе сближеніемъ съ Санскр. корнемъ дагъ жечь (жег-ть), имѣющимъ формы: дадага, дагдга и т. п., съ которымъ и корень жеч (жег-ть=жечь) состоитъ въ несомнѣнномъ родствѣ. Аналогіей сему я бы привелъ Польское слово prażyć (prag—) въ значеніи жечь, и потомъ: prag-nąć

имѣть жажду (жаждать), а также: *сильно желать чего либо* (жадати). Санскритскій корень дагъ, особенно съ предлогомъ самъ (со), часто выражаетъ *душевное томленіе, муку*, такъ точно какъ и Русскій корень печь (пек—) въ словахъ: печаль, пекусь и т. д. Подтвержденіемъ сему могутъ служить выраженія: печетъ, сушитъ жажда и т. п. Остается напомнить, что ожиданіе всегда сопряжено съ нѣкоторымъ томленіемъ души, а потому и выражено оно видоизмѣненіемъ того же корня (жд-ать). Наконецъ отъ понятія жажды къ понятію жад-ности (сильнаго желанія) переходъ также очень близокъ и выразился въ языкѣ другимъ подобнымъ же видоизмѣненіемъ того же корня.

Стр. 226. Славянское слово млеко я бы скорѣе сблизилъ съ причастною Ведаическою формою мильга отъ корня мигъ мочить (мок—), орошать, нежели съ корнемъ мрджъ, значущимъ собственно *прикасаться слегка, ласкать* (mulcere), но никогда не значущимъ *доить*, какъ выставлено у автора.

На стр. 31-й слово скала у г-на Гильфердинга сближено съ Санскр. скгаляна, въ значеніи: *треніе одной вещи о другую*, какъ образецъ такого Славянскаго слова, которое не отошло отъ Санскрита ни даже малѣйшимъ измѣненіемъ кореннаго звука. Слово скгаляна въ значеніи *тренія* дѣйствительно встрѣчается, но очень рѣдко, и въ Словарѣ Вильсона его значеніе, приведенное г-мъ Гильфердингомъ, выставлено послѣднимъ, самъ же корень скгаль никогда не значитъ *тереть*. Этотъ корень (скгаль), какъ звукомъ такъ и значеніемъ, совершенно отвѣчаетъ Русскому скольз-ить; кромѣ того, онъ значитъ *спотыкаться* и т. д. Славянское слово скала я бы скорѣе сблизилъ съ однозначущимъ съ нимъ Санскр. ҫиля, хотя и не хватаетъ въ послѣднемъ (въ словѣ силя) Славянскаго с (с-кала); Санскр. же ҫ, съ котораго начинается ҫила, уже доказано, что=Славянскому к. Скала собств. значитъ *обнаженный* (не покрытый ни мохомъ, ни землею) *камень* (огромной величины); отсюда ска-

лить, обнажать зубы (но не *тереть зубъ о зубъ*, или *скрежетать*, какъ выходило бы, если принять за основной корень Санскр. скҫаляна, въ значеніи тренія).

Подобнымъ же образомъ на стр. 24-й Русское областное лаво-ше (лучше) сближено съ Санскритскимъ лявана, которое въ смыслѣ сущ. имени значитъ *соль*, а потомъ уже, безъ сомн. переносно, какъ имя прилагательное, значитъ *пріятный, прекрасный*. Санскр. лявана происходитъ отъ кор. лӯ изсѣкать (лявана, собств. *изсѣкаемое*, объ ископаемой соли). Слово лавоше, по всей вѣроятности, ничто иное какъ провинціальное искаженіе слова ловче или ловчѣе, происходящаго отъ слова ловкій, коренное значеніе котораго находится въ словѣ лов-ить, состоящемъ въ связи съ Санскр. корнями: лябгъ и âпъ, получать, брать. Къ этому же корню примыкаютъ ЦС. лѣп-ый и Польское lep-szy, пре-*им*-ущественный, лучшій. Переходъ отъ понятія *брать* къ понятію лучшій точно также примѣтенъ и въ Греческомъ языкѣ: довольно сравнить Гомерическое λωίων лучшій и λA-ω = λάζω, λαμβάνω, беру; наконецъ ту же аналогію въ понятіяхъ представляетъ Русское луч-шій и глаголъ по-луч-ать. На этой же стр. Пол. łapać отнесено г. Гильфердингомъ къ причинительной формѣ (ляпаями) глагола ля, съ знач. *заставляю дать*, которая, будучи встрѣчаема только въ глоссаріѣ Мадгавы, справедливо отвергнута Вестергордомъ; къ тому же, корень ля не встрѣчается ни въ одномъ изъ памятниковъ въ знач. *давать*, хотя оно и выставлено у Вильсона; этотъ корень (ля) совершенно соотвѣтствуетъ Греч. эпическому λάζω (ҫантимъ алясâтъ, ἔλαζε δ' ἔγχος). Гораздо проще отнести какъ слово łapać такъ и существительное лапа къ приведенному Санскритскому корню лябгъ, съ которымъ Русское лов-ить состоитъ въ несомнѣнномъ родствѣ. Такъ какъ понятія, выражаемыя симъ корнемъ, едва-ли не самыя близкія ко всякому живому существу, то да позволено мнѣ будетъ представить здѣсь нѣсколько любопытныхъ видоизмѣненій его въ разныхъ Индо-Европейскихъ

языкахъ. Съ корнемъ лябгъ въ связи въ самомъ Санскритскомъ языкѣ, кромѣ упомянутаго âпъ, еще — корень ямъ, значущій почти тоже. Въ Греческомъ языкѣ отвѣчаетъ симъ корнямъ — λαβ — (ἔ-λαβ-ε = λαμβάνω); въ Латинскомъ cap-io, hab-eo (первоначально значившее ем-лю, что видно изъ производнаго слова habenae), ap-iscor, ap-tus (способный, ловкій), ad-ipiscor и am-o (ad-imo вм. ad-amo, принимаю, убираю); въ языкахъ Славянскихъ упомянутое лов-ить, Русское областное хап-ать и цап-ать, глаголы им-у и ем-лю, и эвфоническое видоизмѣненіе послѣдняго слова — жм-у, жать (жам-ть, аналогически съ ять = ям-ть отъ глагола им-у или ем-лю), не говоря уже объ областныхъ производныхъ выраженіяхъ слапать, облапошить и т. п., относящихся сюда же; въ Нѣм. hab-en и Лат. hab-ere корень hab (cap-io, хап-ать) мирится съ Санскр. *ямъ* на концѣ родствомъ губныхъ буквъ (*м* и *б* легко переходящимъ въ *в*), въ началѣ же корня аналогіей нынѣшняго Испанскаго *j*, произносимаго почти какъ *h* (х); точно такъ же естественъ переходъ и *j* въ *l* (ямъ — лябгъ), равно какъ *к* въ *ц* (cap-ere — цап-ать). Санскритское лябгъ, измѣнившись въ любгъ, усвоило себѣ (подобно желат. своей формѣ липсъ) значеніе *желать взять*, страстно желать чего л. и вмѣстѣ съ тѣмъ — понятія *физической любви* (съ предл. *пра*). Видоизмѣненіе того же понятія очень ясно въ Латинскомъ lub-et и въ Славянскомъ люб-ить; но въ Латинскомъ, по той же аналогіи, изъ cap-io сдѣлалось cup-io и cup-ido, am-o же беру, емлю (въ глаголахъ ad-imo, red-imo, per-imo, съ оттѣнками значеній, сообщаемыхъ имъ разными предлогами) перешло въ значеніе *любить*, не подвергшись никакому измѣненію въ корнѣ. Нѣмецкое lieben на своей почвѣ можетъ состоять въ связи только съ первоначальнымъ корнемъ другой уже формаціи: hab-en. Къ видоизмѣненіямъ того же корня относится и Санскритское ябгъ (to copulate), въ значеніи котораго, какъ удалось мнѣ однажды слышать отъ проф. Бодянскаго, нѣкоторыя Славянскія нарѣчія, на

оборотъ, употребляютъ форму люб-. Съ кор. лов-ить въ связи левъ и Греч. λέων =λέϜων,—ΛΑΒΩΝ); съ кор. cap-io Латинское accipiter (невѣрно производимое Боппомъ отъ ὠκύπτερος быстрокрылый), Русское коп-чикъ, молодой ястребъ, цап-ля (оть слова цап-ать=хватать). Русское ястребъ, по аналогіи съ Лат. ac-cip-iter (ac-cip-io, ad-cipio—ca-pio) и съ Греч. ἱέραξ (αἱρέω беру) безъ всякаго сомнѣнія состоитъ въ связи съ формою ять (вм. ям-ть=им-ѣти и им-ать) хватать, ловить. Наконецъ этотъ же корень примѣненъ въ языкѣ для обозначенія какъ физическихъ (н. п. лов-кій), такъ и духовныхъ способностей (н. п. Лат. cap-ax и самое наше: умъ).

Стр. 47. Воря названіе рѣки=варъя Вед. рѣка.—Справившись, я не нашелъ, чтобы подобное слово было употребительно въ Ведахъ; не проще-ли сблизить это названіе нашей рѣки съ очень обыкновеннымъ Санскритскимъ словомъ вâри вода, съ которымъ наше: море состоитъ также въ несомнѣнномъ родствѣ.

Стр. 48. Гос-ть: ghas ѣсть. — Сближеніе Славянскаго слова гость съ соотвѣтствующими ему въ другихъ языкахъ заставляетъ подозрѣвать, что это слово произошло отъ глаг. значившаго: *приходить*, котораго корень не сохранился въ языкахъ Славянскихъ. Такъ въ Санскр. ат-итг̣и гость происходитъ отъ атъ приходить; Греч. ξένος, какъ бы сокращенное ἵκσενος, объясняется глаголомъ ἵκ-νέομαι (ἵκ-ω); древне-Латинское hostis, какъ и Германское Gast, находятъ для себя объясненіе въ Санскр. корнѣ гâ=гамъ и Германскомъ geh-en, Замѣчательно, что въ послѣдствіи Латинское слово hostis приняло значеніе *врага*, значеніе же гостя уступило слову hospes (hospit-is), собственно значущему: *хозяинъ* и этимологически тождественному съ Славянскимъ: господь, господ-арь, господ-инъ и т. д. Этотъ филологическій фактъ заставляетъ предполагать, что и Славянское слово врагъ, ворогъ, могло первоначально значить: *пришлецъ, чужой*. Санскритскій языкъ представляетъ очень живое аналогическое подтвержденіе сему предполо-

женію: въ немъ отъ глаг. враджъ, ходить, странствовать, очень часто встрѣчаются подобозвучныя Русскому слову причастная форма врадж-анъ странствующій, врадж-ана странствованіе и т. п. Не относится-ли сюда и древне-Русское слово варягъ, вѣроятно первоначально значившее *пришлецъ, иноземецъ*? Послѣдняя догадка получитъ еще болѣе вѣса, когда обратимъ вниманіе на то, что и нынѣ ходебщики, разносящіе мелкіе товары по всѣмъ концамъ Россіи, сохраняютъ въ народѣ нашемъ названіе Варяговъ.

На этой же стр. по указанію г-на Микуцкаго сближается слово домъ съ ведаическимъ дама. Для производства этого слова замѣчу, что не должно смѣшивать ведаической его формы съ позднѣйшимъ подобозвучнымъ Санскритскимъ словомъ (дама), имѣющимъ другое значеніе и происходящимъ отъ кор. дамъ (значущаго почти то же что ямъ и филологически съ нимъ тождественнаго, если только обратить вниманіе на звукъ *л*, могущій посредствовать между первыми буквами обоихъ корней и переходить какъ въ ту такъ и другую, въ j и въ d, съ одинаковою легкостью), обуздывать, усмирять. Ведаическое дама ничто иное какъ видоизмѣненіе Санскритскаго дг̣ама домъ, происходящаго отъ корня дг̣â класть, тождественнаго Русскому корню дѣ-въ словахъ дѣ-вать, дѣ-ть (Греч. τί-θη-μι, Лат. condere), а также въ словахъ: со-зи-*да*ть (какъ бы: со-из-давать), зодчество (какъ бы: изо-*д*-чество), *зиждитель* и т. д., для которыхъ древне-Славянское слово зидъ въ значеніи стѣны не можетъ быть абсолютно кореннымъ уже потому, что оно очевидно состоитъ изъ эвфонически измѣнившагося предлога изъ и корня дѣ, звучащаго здѣсь въ основной своей буквѣ.

На стр. 60-й ЦС. губа (сугубъ), а также Русское гнуть (гъб-нуть) отнесены къ Санскритскому джабг̣ъ сдерживать; Русскій же кор. губ-ить, гиб-нуть, по аналогіи Латинскаго per-ire (и безъ сомн. Нѣмецкаго unter-gehen) отнесены къ слову габъ (вѣроятно опечатка, вмѣсто гамъ)

идти. — Я думаю, что всѣ эти слова не происходятъ отъ двухъ разныхъ корней, а отъ одного, но только не отъ джабгъ, которое есть ничто иное какъ видоизмѣненіе упомянутаго выше корня ябгъ (отъ джабгъ, между прочимъ, Санскритскіе грамматисты производятъ существ. джабга жена) съ употребительнымъ значеніемъ — зіять, быть отверсту, и не отъ гамъ. Аналогія не только Индо-Европейскихъ, но и Семитическихъ языковъ представляетъ слогъ, начинающійся съ звука к (*к* или *г*) и оканчивающійся однимъ изъ звуковъ губныхъ (н. п. *п* или *б*), выражающимъ понятіе *выпуклости, выпнутости* или *возвышенія*, а также *вогнутости* или *углубленія*. Сюда безъ сомнѣнія относятся: Латинское gib-bus, горбъ, cap-ut голова, cum-ulus возвышеніе, Русское комъ и холмъ, Нѣмецкое Kopf, Gipf-el, Польское szm-at куча, множество ч. л., Санскр. гарбга-а въ значеніи чрев-а и зародыша (сюда же относится и Русское жереб-я, жереб-енокъ) и т. д. Боппъ, производя послѣднее слово (гарбга-а) отъ архаическаго Санскритскаго слова грабгъ вм. гргъ брать, наводитъ на ту мысль, что въ основаніи этого звука (*к* съ буквою губною въ концѣ) могло лежать первоначально понятіе *уемистости* (capacitas), потомъ округленности; такимъ образомъ ведаическое грабгъ можетъ относиться къ разъясненному уже мною корню cap-io и лябгъ, и въ слѣдствіе сего Нѣмецкое Grab и Русское ям-а, равно какъ и глаголы коп-ать (собств. выдалбливать, производить нѣчто вогнутое) и grab-en сходятся въ одномъ корнѣ (сравни значеніе приведеннаго корня джабгъ и его синонима джрнбгъ). Съ другой стороны, Русское коп-а́ и коп-на (сѣна или хлѣба) представляетъ аналогію въ понятіи на оборотъ (понятіе выпуклости); такое же понятіе представляетъ и гл. коп-ить. Къ понятію выпуклости близко понятія дѣланія ч. л. *выпуклымъ*, *дугообразнымъ*, *выгнутымъ*; отсюда объясненіе видоизмѣненію этого корня для выраженія понятій *гнуть, сгибать* (сугубъ) и т. п. Далѣе, съ понятіемъ *согнуть* состоитъ въ столь же близкомъ сосѣдствѣ по-

нятіе *сломать, сокрушить*, что образовало въ языкѣ нашемъ отъ того же корня глаголъ губ-ить (срав. Греч. ἄγ-νυμι *сгибаю* и *ломаю*). Русское *губа* (край рта) находитъ себѣ объясненіе въ наружной выдающейся ея формѣ; такъ точно объясняется это же слово и въ значеніи небольшаго залива (срав. Греч. κόλπος и Лат. Sinus); Лат. lab-ium, Нѣм. Lipp-en и наше Бѣло-Русское лупы въ значеніи губъ, въ нѣкоторыхъ же област. нар. въ знач. глазъ, представляютъ ту же аналогію, но только съ фонетической модификаціей въ началѣ корня, указывающую на сродство сихъ видоизмѣняющихся корней съ корнями лябгъ и Апъ, о которыхъ я имѣлъ случай говорить подъ словомъ *лавоше*; Бѣло-Русское выраженіе вылуп-ить, вытаращить глаза относится сюда же. Санскритскій языкъ представляетъ очень любопытное слово джамбга въ значеніи *зуба* и *подбородка*, заставляющее отнесть и Славянское зубъ (Пол. ząb) къ тому же корню; къ тому же корню относится и Пол. gęba въ значеніи рта; Упомянутый мною Санскритскій кор. джабгъ зіять, быть отверсту, заставляетъ сблизить съ этимъ корнемъ Русское названіе задняго прохода и Поль. dupa (собств. углубленіе), а также Русское дуп-ло и Поль. zup-y solne; буква d въ послѣднихъ примѣрахъ объясняется взаимною перемѣною *звучныхъ* (tönende, по Боппу) буквъ *г* и *д*; *д* же очень удобно переходитъ въ *л*. Послѣ всего сказанннаго не можетъ быть никакого сомнѣнія, что сюда же относятся: Санскритское кумбга сосудъ для воды и Русское куб-окъ, а также Греч. κύμβη и Лат. cymba, и еще что въ самомъ словѣ вы-*пук*-лый, коренной звукъ (пукъ) есть ничто иное какъ *купъ*, измѣнившееся *per metathésin*, равно какъ Нѣмецкое *Kuppel* (куполъ), и еще Kuppler, такъ какъ въ этомъ же корнѣ таится, понятіе *сдерживать* (Санскр. сан-ямъ), *связывать, собирать въ одно, сово-куп-лять* (Санскр. ябгъ). Послѣ всего сказаннаго не трудно узнать этотъ же видоизмѣняющійся корень и въ словахъ: глубь, глуб-окій, а также клуб-окъ, и въ Лат. glob-us, glom-er (Русское комъ земли и т. п.)

въ словѣ: глыб-а земли, потомъ въ самомъ словѣ зем-ля съ первоначальнымъ понятіемъ нѣкоторой толщи, массы, (Бѣлор. жм-отъ, кусокъ, комъ), въ Лат. hum-us, Санскр. Вед. джмâ и гамъ (Зенд. земъ), также въ Санскр. кшмâ, Греч. χαμ-αί, χθαμ-αλός, γῆ и т., въ Латинскомъ прилаг. hum-ilis, и наконецъ въ самомъ Лат. предлогѣ cum, Греч. σύν, Русскомъ съ, со и т. д.

На стр. 61. Рус. ротъ, рта, отнесено къ Санскр. кор. раṭъ, рѣдкому видоизмѣненію общеупотребительнаго Санскритскаго корня расъ (Нѣм. rasseln), *шумѣть*, которому значеніе *говорить* приписано одними грамматистами. Я думаю, не ближе ли отнести это слово къ Санскритскому корню ру — издавать голосъ, говорить, *славить*, звучащему и въ Русскомъ словѣ рев-ѣть, такое сближеніе подтверждается существованіемъ Санскритскаго слова, происходящаго отъ этого же корня, рута *щебетаніе птицъ, говоръ*, и аналогіей Греческаго слова στόμα (ротъ), находящаго объясненіе въ Санскритскомъ корнѣ сту — славить. Окончательно убѣдиться въ этомъ мѣшаетъ однако Санскритское слово рока, углубленіе, пропасть, невольно заставляющее сближать это слово съ глаголомъ ры-ть, съ словомъ ры-ло и объяснять его происхожденіе по одной аналогіи съ Польскимъ словомъ gęba и Русскимъ дуп-ло (ры-ть можетъ состоять въ связи съ общимъ корнемъ глагола коп-ать утратою на концѣ губнаго звука и замѣною начальнаго *л* въ *р*, подобно Лат. rap-io хватаю, рву, которому родственно rab-ies бѣшенство, Санскр. â-рабҕъ приниматься за что-либо, in-cip-ere, и имѣть фонетическую себѣ аналогію въ Лат. гл. ru-ere, принимающемъ иногда даже и значеніе очень близкое къ нему (разрывать, разсѣкать волны, у Латинскихъ поэтовъ).

На стр. 80—81. Жалати, желати, желѣти ЦС. желать; жалитися трудиться; Р. желать, жалѣть; ВЛ. жаровацъ жалѣть; НЛ. жарба забота, — всѣ эти слова сближены съ Санскр. кор. джр̄, собст. значущимъ *приходить въ старость, въ упадокъ, изнемогать*. Изчисленныя здѣсь слова со-

стоятъ въ самомъ тѣсномъ родствѣ между собою, но взаимное ихъ сближеніе исключаетъ всякую возможность относить ихъ къ корню джр̄. Слово жал-ати получаетъ прекрасное объясненіе происхожденію своему въ приведенномъ тутъ же областномъ словѣ жар-овати, въ НЛ. жар-ба и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ совершенно правильное эвфоническое видоизмѣненіе уже объясненаго мною глагола жад-ати (Пол. żądać), желать. Довольно сравнить Русское деверь съ Латинскимъ levir и окажется, что, на основаніи той же фонетической перемѣны, корень жал-ати и жад-ати есть одинъ и тотъ же; что же касается до буквы *р* въ словѣ жар-овать, то и ея переходъ въ *л* очень естественъ, и встрѣчается еще чаще нежели *л* въ *д*, или на оборотъ (*д*, *л* и *р* переходятъ одна въ другую, будучи буквами одного органа, именно язычными). Такимъ образомъ, всѣ эти слова подтверждаютъ, что ощущенія *жажды* и *желанія*, также *жалости* и вообще душевныхъ томленій выражены въ языкѣ нашемъ посредствомъ разныхъ видоизмѣненій корня, означавшаго первоначально физическое *горѣніе*, жаръ. Самъ корень глагола гор-ѣть образовалъ въ нашемъ языкѣ слово съ нравственнымъ понятіемъ: гор-е, принявъ же эвфоническое видоизмѣненіе въ словѣ жаръ, примыкаетъ къ разсмотрѣнному уже мною корню даҕъ, котораго ближайшее видоизмѣненіе слышится въ Русскомъ жечь (жег-ть). Что касается Русскаго видоизмѣненія буквы *ж*, то чаще возникаетъ она изъ *г* (н. п. дорогой = дороже и т. п.), не рѣдко однако непосредственно видоизмѣняетъ собою и букву *д* (нп. гадкій = гаже; рѣдкій = рѣже); въ этомъ однако случаѣ Р. *ж* могло произойти изъ *ҕ* per Metath. корня (Санскр. даҕ = ҕад = *жад*). Эвфоническія видоизмѣненія кор. даҕъ въ Санскритскомъ языкѣ совершенно соотвѣтствуютъ видоизмѣненіямъ Русскимъ: Санскр. гҕар-ма — жаръ, отвѣчаетъ видоизмѣненію звука въ Русскомъ корнѣ гор-ѣть; Русское же жал-ѣть видоизмѣненію въ Санскр. джвал горѣть. Къ этому же корню должно отнести Русскія слова:

жал-о (вм. жал-ло или жад-ло; Пол. żądło) и жигал-о, въ корнѣ послѣдняго изъ которыхъ какъ будто выказалось основное его значеніе.

На стр. 83. Славянское могу сближено, по Боппу, съ Санскр. маṇг̣âми расту (мангъ).—Ведаическій языкъ представляетъ слова, по видимому ближе къ Русскому корню, нежели Санскр. маṇг̣ъ, объясняющее Греч. μέγας и Лат. mag-nus, — таковы: магг̣а богатство (Vermögen), могущество, магг̣-атти подающая богатство и магг̣аванъ богатый добромъ, имуществомъ; послѣднее слово сохранилось и въ классическомъ Санскритскомъ языкѣ какъ эпитетъ Индры.—Сближеніе тамъ же слова владѣть съ кор. вр̆дг̣ъ едва-ли не столько же проблематическое.

Стр. 124. Уста: ôšṭha.—Словомъ ошṭг̣а обыкновенно называется *верхняя губа*. Ведаическій языкъ представляетъ еще слѣдующія подобозвучныя слова и темы: âсъ (отвѣчающее Лат. os, какъ ошṭг̣а—Латинскому ost-ium); âса (Лат. ora) и асъя; всѣ эти слова означаютъ *ротъ*; послѣднее же и *лице* (подобно Лат. os). Если допустить, что эти слова произошли отъ очень часто употребительнаго Санскр. корня аç̣ъ, значущаго *ѣсть*, то, вспомнивъ предыдущіе выводы, можно думать, что органъ пищи и слова получилъ первоначально въ языкѣ нашемъ названіе *губъ* отъ внѣшней формы, *рта* отъ способности издавать звукъ и *устъ* отъ *ѣды*, если только во всѣхъ этихъ словахъ, за исключеніемъ быть можетъ *губы*, не таится первоначальное понятіе отверстія.

Стр, 125. Весна: ušṇa жаркое время года. М. — Какъ ни увлекательно подобозвучіе сихъ двухъ словъ, но сближеніе Боппа Слав. весны съ Санскр. васанта оказывается предпочтительнымъ: 1) потому что Санскр. ушṇа означаетъ два самые жаркіе мѣсяца въ году: Іюнь и Іюль, что на столько же противорѣчитъ понятію весны, на сколько противорѣчили бы ему самыя подобозвучныя н. п. названія зимнихъ мѣсяцевъ, 2) потому, что въ словѣ васанта

основныя буквы Санскритскаго корня совершенно тѣ же, что и въ Славянскомъ словѣ, а именно тоже *в*, *с* и *н*, въ то время какъ въ ушṇа, хотя основныя буквы и близки къ Славянскимъ, но все-таки не тѣ же, а именно: *у* замѣняетъ букву *в*, *ш*—*с* и *ṇ*—*н*. Форма васанта имѣетъ видъ искаженнаго причастія и можетъ быть отнесена къ глагольному корню васъ, имѣющему пять главныхъ значеній: 1) *обитать*; 2) *одѣвать, покрывать*; 3) *быть утвержденнымъ*; 4) *любить*; 5) *разсѣкать*; въ формѣ же протяженной (вâсъ) — *распространять запахъ*. По Вильсону эта часть года названа такъ по тому, что богъ любви преимущественно объ эту пору обитаетъ (васати) на землѣ. Дѣйствительно одно даже изъ Санскритскихъ названій Индійскаго Купидона есть Васанта-сакг̣а другъ весны; но не безъ основанія это слово можетъ быть отнесено и къ другимъ значеніямъ корня васъ, въ особенности на томъ основаніи, что весна покрываетъ землю новою зеленью и какъ бы *одѣваетъ* природу въ новое платье.

Стр. 177. Зъмія ЦС. змѣя: gam двигаться. — Санскр. *гамъ* значитъ *идти*: изъ множества названій змѣя есть на Санскр. яз. одно объясняющее этимологическое значеніе Славянскаго слова; это — джиг̣мага, букв: *ходящій криво, извилисто*. Первая часть этого составнаго слова (джиг̣ма кривой) очевидно представляетъ корень свой удвоеннымъ (джи-г̣ма); безъ удвоенія онъ выходилъ бы: г̣ма или точнѣе г̣м. Этотъ звукъ не послужилъ для образованія въ употребительномъ Санскритѣ другихъ словъ, кромѣ джиг̣ма — кривой, изгибистый, но даетъ себя сблизить, по всѣмъ филологическимъ правиламъ съ разъясненнымъ уже мною Славянскимъ корнемъ губ (губ-а, гиб-кій) и слѣд. состоитъ въ связи съ кор. ямъ и другими корнями ему родственными.

Стр. 190. Языкъ: ah, anh, говорить.—Аṅгъ никогда не значитъ *говорить*, что же касается корня аг̣ъ, то въ этомъ значеніи онъ употребителенъ въ одномъ perf. (âг̣а âг̣атуг и т. д.). Какъ аг̣ъ такъ и аṅг̣ъ значитъ *идти* (от-

сюда: анг̧ри нога). Къ корнямъ симъ можно отнесть Санскр. аг̧и змѣй, Русское ужъ (Пол. wąż), уг-орь рыба, Пол. węgorz, предполагая, что сіи названія произошли отъ *извилистаго движенія*, значенія вѣроятно заключавшагося въ ихъ корнѣ (срав. Санскр. анг̧-асъ кривое дѣло, грѣхъ, происходящее отъ этого же корня). Что касается до слова *языкъ*, то сблизивши его съ словомъ выражающимъ то же понятіе на Санскр. языкѣ, и разобравъ основныя стихіи обоихъ словъ, увидимъ, что они въ Русскомъ и Санскритскомъ словѣ однѣ и тѣ же, подвержены же измѣненіямъ чисто діалектическимъ, а именно въ Санскр. словѣ джигва (языкъ) *дж*=*й*, *г*=*з*, *в*=*ы*; для знакомаго съ основными законами фонетическихъ перемѣнъ нечего доказывать тождество сихъ звуковъ. Остается въ Русскомъ одно заключительное *к*, составляющее обыкновенное окончаніе, генетически не принадлежащее корню слова. Сближеніе наше выйдетъ еще полнѣе, когда вспомнимъ, что на языкѣ Зендскомъ Санскритское джиг̧ва перешло въ г̧ива. Теперь обратимъ вниманіе на формацію слова джиг̧ва: оно образовалось посредствомъ удвоенія, совершенно аналогически съ объясненнымъ уже мною словомъ джиг̧ма кривой, отъ кор. г̧вэ звать (Пол. zwę: джи-г̧ва), состоящаго безъ сомнѣнія въ связи съ Санскр. корн. аг̧ъ говорить и нашимъ областнымъ глаголомъ гукать (говорить), звукоподражающими *дыханію*, какъ первому двигателю человѣческаго слова.

II.

Дваръ (ж. р.) и *двáра* по Санскр. значитъ *дверь*, отъ кор. абстрактнаго *двр̆*, который въ глагольныхъ формахъ звучитъ всегда *дваръ* или *двáръ* и значитъ *покрывать*, *принимать* (заключать). Русскій кор. *двор*—состоитъ въ связи съ

кор. *твор*—(*за-твор-ять*,—*твор-ить*). Предполагая разсмотрѣть это обстоятельнѣе, считаю нелишнимъ остановиться прежде на словѣ *дѣлать*.

Дѣлать съ перваго раза можно принять за особенный видъ глагола *дѣ-ть*, *дѣ-вать*, значащаго собств. *класть* (*надѣть*, *дѣть куда либо*, т. е. положить), тѣмъ болѣе что отъ него очевидно происходитъ гл. *дѣ-ять*, аналогически съ Греч. кор. θε (τιθέναι), значущимъ *положить что л.* и *сдѣлать* и съ Санскр. *дѣ*; этотъ же корень звучитъ потомъ въ словахъ *создать*, подобно Лат. *condere*, отличному, хотя, быть можетъ, въ началѣ и тождественному съ кор. *da-re* (*да-ть*). Но не припоминаю ни въ одномъ изъ Индо-Европейскихъ языковъ видовой глагольной вставки *ла* (la), и потому склоняюсь къ другому аналогическому объясненію производства этого корня (*дѣлать*), которое, быть можетъ, подтвердится и этимологическими выводами.

Въ Санскр. яз. есть два родственные корня *бгаджъ*—*дѣлить* и *бгидъ*—*раскалывать* (Лат. fid=findo). Я думаю, что не даромъ въ Русскихъ словахъ *дѣл-ить* и *дѣл-ать* одинъ и тотъ же кор. служитъ для выраженія двухъ по видимому разныхъ понятій. Мысль о случайности въ этомъ тождествѣ звуковъ изчезнетъ, когда обратимъ вниманіе на то, что всякое *дѣланіе* условливается *дѣленіемъ*; ибо, производя новое, мы непремѣнно, съ одной стороны разрушаемъ (какъ будто разсѣкаемъ,—*дѣлимъ*) старое, съ другой, для образованія чего бы то ни было необходимы двѣ противоположности, необходимо *раздѣленіе*, которое соединяется во всемъ производимомъ, творимомъ. Въ Латинскомъ языкѣ аналогія между этими двумя понятіями также наглядно выразилась, какъ и въ Русскомъ,—въ корняхъ *fid* (findo) дѣлить и *fac-io* дѣлать, отвѣчающихъ Санскр. *бгидъ* и *бгаджъ*.

Позволяя себѣ слѣдовать аналогическимъ путемъ далѣе, мы найдемъ возможнымъ, что два упомянутые Санскр. корня звучали первоначально *дбгидъ* (срав. Лат. *divid*-о вм. dvido) и *дбгаджъ*, и что начинательное этихъ корней *d* изчезло, усту-

пая законамъ благозвучія, такъ точно какъ оно же изчезло въ Лат. словѣ *bis* (вм. *dbis*,—по Греч. же на оборотъ: δίς), въ Русскомъ *второй* (вм. *двторой*) и т. д. Примѣры подобнаго изчезновенія первой изъ двухъ согласныхъ корня, стоящихъ рядомъ, отъ приращенія къ нему другихъ звуковъ, встрѣчаются и въ языкѣ Санскритскомъ. Срав. *frag*—(frango) и Греч. ῥηγ-νυμι (Дор. ῥάγ—) и т. д. Если это предположеніе вѣрно, въ такомъ случаѣ равно оба упомянутые Санскр. и Латинскіе корня, какъ и Русское *дѣлать* и *дѣлить* (въ которыхъ должно будетъ допустить выпущеніе буквы *в* по аналогіи Греч. δίς вм. δβις=δF-ις) окажутся родственными корню *твор-ить* (при очень естественномъ переходѣ язычнаго *л* въ язычное же *р* или на оборотъ), видоизмѣняющемуся въ словахъ *дворъ* (за-твор-ять), *дверь*, и даже, что не менѣе окажется съ перваго раза поразительнымъ и страннымъ—слову *звѣрь*, значившему первоначально то же, что *тварь*, и сойдутся, быть можетъ, въ Индо-Европейскомъ числительномъ *два*, понятіемъ котораго, какъ я уже замѣтилъ, условливается всякое твореніе, и которое само могло произойти отъ первоначальнаго звукоподражательнаго корня *дбганджъ* (употр. Санскр. кор. *багнджъ*) разламывать, откуда Санскр. *бага* отломокъ — удѣлъ, счастіе (*со-частіе*) и можетъ быть Слав. *благо*; буква же *р* въ кор. *твор*, *двор* и т.д. первоначально, вѣроятно, была грамматическимъ суффиксомъ, сдѣлалась же составною частью корня въ послѣдствіи.

Аналогія между корнями дверь и звѣрь поражаетъ сходствомъ во всѣхъ Индо-Европейскихъ языкахъ: Греч. θήρ и θύρα, Лат. *fer-a* и *por-ta*, Германское *Thier* и *Thüre* (Thor). Сюда же безъ сомнѣнія подойдутъ и Лат. *taurus* (быкъ), значившее первоначально тоже что *тварь* или *звѣрь*, а также, быть можетъ, и Скандинавское *торъ* въ значеніи *дробителя* и *творца* (атрибутъ его *мölнеръ* означаетъ равно *молотъ* какъ и *молнію*, *молонью* отъ кор. *молоть*, сокрушать). Аналогія между *звѣремъ* и *дверью* объясняется тѣмъ, что *тво-*

рить на первобытномъ нашемъ языкѣ значило собственно *сомкнуть*, соединить въ цѣлое.

Тождество происхожденія словъ, сближенныхъ мною при попыткѣ разъяснить происхожденіе корня *дѣл*-ать, можетъ быть подкрѣплено еще слѣдующими сближеніями.

Предположенная форма двторой подтверждается Греческимъ числительнымъ порядочнымъ δεύτερος (δέFτερος). При этомъ случаѣ кстати замѣтить, что окончаніе сего слова (—*торой*) первоначально имѣло значеніе степени сравнительной (*второе* естественно противопоставляется *первому* и невольно первоначально съ нимъ сравнивается); но органически, какъ окончаніе степени сравн., оно существуетъ только въ яз. Санскритскомъ (—тара) и Греческомъ; у насъ же, въ очень немногихъ примѣрахъ его присутствія, оно перешло, какъ и въ Лат. яз., въ простое грамматич. окончаніе (*ка-тара* по Санскр. значитъ: *который изъ двухъ*, наше же современное *который* выражается по Санскр. словомъ *ка-съ* (ка-г, ко), отвѣчающимъ нашему простонародному и общеСлавянскому *кой*.

Ясность тождества происхожденія словъ, приведенныхъ мною по случаю глагола *дѣл-ать*, затмилась тѣмъ, что въ однихъ изъ сихъ словъ изчезло, въ продолженіе вѣковъ и въ слѣдствіе потребности благозвучія, начальное *д* (*т*) ихъ основнаго первобытнаго корня, въ другихъ—заключительное *в* или придыхательное *б* (*bh*), переходящее иногда въ простое *б* (Лат. *bis*), *ф* (Л. *fera*, — *for-as*) или въ *п* (Л. *por ta*). Къ категоріи такого рода словъ, потерявшихъ *д*, можно отнести еще Лат. *forum* (*d-for-um*). (Сближеніе Латинскаго *forum* съ Русскимъ *дворъ*, равно какъ и слова *второй* съ *два*, въ первый разъ было услышано мною отъ А. С. Хомякова; ему же принадлежитъ и указаніе на Сканд. Тора). Иногда языкъ Индо-Европейскій замѣняетъ потерю этого *д* приставкою такой буквы которая родственна второй буквѣ сего корня (в, бг, ф, п), какъ н. п. въ Нѣмецкомъ *Pforte* (*P-for-te*), иногда же онъ какъ будто

силится сохранить первую согласную своего корня, приставляя къ ней, по законамъ благозвучія, краткую гласную (Санскр. *убга*, убгау, вм. *у-дбга*, Русское: *оба*), подобно тому какъ языкъ нашего простолюдина, произнося *а-вторникъ*, вмѣсто *вторникъ*, старается спасти вторую букву этого же корня (*в*), которая, при стеченіи двухъ согласныхъ (*вт*), могла бы изчезнуть, и такимъ образомъ, вмѣсто *вторника*, въ его устахъ, вышло бы: *торникъ*, или, какъ бы чувствуя пустоту изчезнувшаго звука, заполняетъ ее звукомъ носовымъ (Греч. ἄμ-φω).

При изчезновеніи втораго звука (бг, в, б, п, ф), остающійся первый является, какъ видно было изъ представленныхъ мною примѣровъ, въ буквахъ ϑ (ϑύρα, ϑήρ) и *д* (*дѣл-ить*); рядомъ же съ сохранившимся вторымъ звукомъ корня, первый является въ буквахъ *д* (дворъ), *т* (твор-ить) и *з* (звѣрь). Латинскій кор. *divid*-o отвѣчаетъ какъ нельзя лучше Русскому корню *дѣл*(ить,—ать). Остается загадочное заключительное *д* (*divid*-o) и *л* (*дѣл*); но недоумѣніе изчезнетъ, если допустимъ, какъ уже было мною сказано, что сей корень заключался (оканчивался) первоначально аффирмативнымъ *р* (двар, твор) вытѣснившимъ, или замѣнившимъ первобытное *дж* или *г* (*g*,—*дбганджъ*, *дбгаг*, *Санскр.* разламывать, дѣлить), такъ какъ переходъ буквы *р* (г) въ *л* во всѣхъ языкахъ очень естественъ и обыкновененъ, переходъ же буквы *л* въ *д* доказывается сближеніемъ множества примѣровъ, въ которыхъ одна изъ сихъ буквъ (*д* или *л*) стоитъ вмѣсто другой (срав. Греч. δάκρυ, Лат. lacryma; Греч. δαήρ и Рус. деверь, Лат. levir и т. д.). И такъ въ Русскомъ корнѣ *дѣл*(ить,—ать) отсутствуетъ первобытно принадлежавшій ему губной звукъ (*в*), послѣ чего выйдетъ, что этотъ глагольный корень, состоящій, на основаніи всего сказаннаго мною, въ родствѣ съ корнемъ *твор-ить*, звучалъ первоначально, безъ всякаго сомнѣнія, близко къ глагольному корню *двоить*, родственному ему также по изложеннымъ мною причинамъ.